

МАУК «Централизованная библиотечная система» г. Пскова

Библиотека - общественный центр микрорайона Псковкирпич

Юный партизан- связной

Рассказ ветерана Великой Отечественной войны

Трофимова Нинела Николаевича

об истории своей семьи

в годы немецкой оккупации на Псковщине





Нинел Николаевич Трофимов

Семья моя состояла из семи человек: отца - Трофимова Николая Трофимовича (1888 года рождения), матери - Марфы Ефимовны (она была на год моложе отца), и пятерых детей – Евдокии, Павла, Антонины, Владимира. Я был младшим в семье - родился 5 мая 1926 года. В то время было принято давать детям имена в память почившего к тому времени В.И. Ульянова-Ленина, вот меня и называли – Нинел (ПРОЧТИТЕ НАОБОРОТ ЛЕНИН, ПОЛУЧИТЕ НИНЕЛ). Только в 1938 году семья наша обосновалась в крупном селе СЕЛЮГИНО (Псковский район Псковской области), теперь, к сожалению, это крохотная деревушка, где постоянно проживают всего 3 человека. До этого времени мы кочевали по России - от Сибири до Псковщины в поисках лучшей доли. В 1936 году старшие Павел и Евдокия стали механизаторами, в 1941 году Павел ушел добровольцем на фронт. Так для нас начиналась война...



Мать - Марфа Ефимовна 1941г.



Сестра отца и племянница
(довоенное фото).

Райком партии издал директиву: все сжигать - дома, надворные постройки и уходить в тыл, ничего не оставляя врагу. Немцы стремительно продвигались вглубь нашей страны. Ни у кого не поднялась рука сжечь свое жилье. Все оставив, обозом двинулись в сторону Ленинграда, но буквально через 15 километров нас настигли немецкие танки. Нам было приказано возвращаться по домам: так мы оказались на оккупированной территории.

Немцы стали устанавливать свои порядки: был проведен сход, земля и сенокосные угодья были поделены, поделили лошадей и инвентарь, немцы назначили старосту, прежние колхозники стали, как тогда говорили, единоличниками. Немцы любили во всем порядок - старосте было приказано составить списки жителей с указанием возраста - прошел слух о том, что молодых и здоровых будут отправлять в Германию.

Мой брат Владимир вместе с пятью своими друзьями сумел сообщить об этом партизанам (это была легендарная бригада А.В. Германа, уже действующая на оккупированной территории). Договорились, что партизаны неожиданно появятся небольшой группой в селе и возьмут в плен тех, кто хотел вступить в партизанский отряд. Зачем весь этот спектакль, спросите вы? Старосты были разными. Наш, хотя и приходился нашей семье дальним родственником, забыв об этом, выслуживался перед немцами совершенно безбожно. Мало того, что мы, как и все остальные односельчане привлекались на работы, так он, словно специально поставил моих сестер серпами жать его собственную рожь. Когда два солдата, отставшие от регулярных советских частей, пробирались через оккупированную территорию к своим и зашли тайно в Селюгино, Алексей (староста) арестовал их и сдал немцам. Понятно, что если бы парни сами ушли из села в партизанский отряд, семьям их пришлось бы совсем не сладко, отсюда и такой хитроумный план, который, кстати сказать, сработал. Остальных молодых людей стали по списку, составленному старостой, вызывать в расположенный в четырех километрах от Селюгина поселок Выбор, где располагался немецкий гарнизон и была комендатура. Вот там-то нас и осматривал немец-врач, давал заключение «годен» или «не годен» к отправке на работы в Германию.



п. Выбор.

В годы войны здесь размещалась комендатура.

Я как инвалид детства был забракован, но для работ в поселке Выбор грузчиком и возницей (мы являлись каждый со своей лошадью) я привлекался вместе с другими молодыми людьми регулярно. Староста с немцами регулярно требовали обеспечивать гарнизон в п. Выбор продуктами, теплыми вещами, подростки привлекались на «общественные работы» - расчистку дорог от снега, заготовку топлива, лесоматериалов. Безусловно, мне повезло, так как мало кто из отправленных в Германию вернулся после войны домой. Но и нашу жизнь в то время трудно назвать спокойной, начиная с 1942 года, она стала жуткой.

Партизаны активизировались, но и они несли потери; немцы устраивали показательные казни захваченных в плен партизан. 1943 год недаром считается поворотным в истории Великой Отечественной войны: деятельность партизан стала регулярной и планируемой: они собирали сведения о перемещении живой силы и техники врага, о готовящихся рейдах против партизан. Взрывы на дорогах, нападения на малочисленные группы немецких солдат стали серьезно волновать комендатуру в Выборе. После обстрела группы фашистов под деревней Пухово всех ее жителей согнали в сарай и заживо сожгли, стерли с лица земли и саму деревню. Немцы обязали старост привлекать членов партизанских семей к разминированию дорог: запрягалась лошадь, которая тянула за собой борону, за лошадью шел человек с вожжами в руках. Если шип бороны задевал мину, раздавался взрыв. Я тоже боронил дороги. Но нужно отдать должное партизанам, они быстро отреагировали на хитрость фашистов – стали осуществлять минирование дорог на гораздо большей глубине. Все чаще и чаще солдат из гарнизона в Выборе было недостаточно для осуществления рейдов, привлекались армейские подразделения, ездовыми для преследования партизан опять-таки привлекали родственников партизан...

Все годы оккупации мы собирали для партизан продовольствие, перевязочные материалы, теплые вещи, часто выполняли просьбы что-то узнать или передать - это было делом совсем не героическим, обыкновенным. Близость к гарнизону в Выборе была для нашего села просто бедой - немцы боялись далеко отправляться за поборами, а продовольствия требовалось немало. Сельчане устроили постоянное дежурство в светлое время суток: подростки по очереди сидели на дереве на краю села и, увидев немцев, опрометью бежали по улице мимо домов, что для взрослых означало - немцы. Тогда все от мала до велика бежали в лес, прихватив живность, туда фашисты сунуться боялись. Однажды дежурил я. Смотрю, со стороны Выбора одна, две...восемь подвод, а это 40 фрицев. Я быстро побежал к дому, но в центре деревни увидел пятерых разведчиков-партизан верхом на лошадях. Останавливаться было никак нельзя - были в Селюгине и такие, кто мог донести старосте или самим

немцам. На ходу сказал им: «Уезжайте, на том краю немцы!» Один спросил: «Много?» «Восемь подвод, человек сорок», - говорю. Я уже миновал их, когда услышал за своей спиной: «Ну что, Жора, чесанем?!» И врезали они из пяти автоматов, ранили одного полицая. Через полтора часа весь гарнизон был у нас в селе. К нам в дом пришли семеро - немец и шесть полицаяев. Сначала во дворе переловили кур. Потом что-то искали в доме, отца, мать, сестер и меня поставили к стене, начался допрос с пристрастием, вопросы чередовались с побоями. От нас хотели узнать, где базируются партизаны и что именно мне сказал Володя. Мы молчали, разгневанный немец уже поднял руку, чтобы отдать приказ автоматчику расстрелять нас, но здесь в избу вошел комендант, что-то произошло, немцам стало не до нас... Как оказалось, соседка наша донесла старосте, что разговаривал со своим братом. Никогда не мог понять, что именно руководило людьми, которые доносили: личная неприязнь, зависть, должен быть какой-то мотив, какая-то причина? Уже после войны я попытался поговорить со своей матерью на эту тему - не все, кто сотрудничал с немцами, кто доносил на своих односельчан, были наказаны. Мать моя, мудрая женщина, долго молчала, а потом сказала: «Мне отмщение и аз воздам... С этим еще жить нужно, а это трудно».

Пару дней спустя, ночью, в окно постучал Володя. Партизаны знали обо всем произошедшем, и я стал просить брата, чтобы он взял меня с собой в партизанский отряд. Он пообещал поговорить с командиром. Три дня спустя, возвращаясь с задания, брат снова заглянул домой и передал содержание своего разговора с командиром о моем зачислении в отряд. Тогда, в 1943 году, людей в бригаде Германа уже хватало, ведь в 1941-1942 годах в леса уходили целыми деревнями. Командир спросил: «А почему его не угнали в Германию?» Брат честно ответил: «Проблемы со здоровьем - инвалид детства, в детстве перенес костный туберкулез». Подумав, командир решил: «Я понимаю, что сейчас, когда немцам известно, что ты в партизанском отряде, твоим родным тяжело приходится, но очень скоро оккупация закончится, поверь. А вот брату передай - в их селе у нас нет ни одного своего связного, вот он нам и обеспечит эту связь. Пусть запомнит, те, кто будут приходить из отряда, скажут: «Вам привет от Володи Трофимова!» Хорошо бы ему пистолет, да сам знаешь, оружия не хватает». Брат сказал, что дома есть обрез, нет лишь патронов к нему. Командир обрадовался: «Набери вещмешок патронов и отвези!» Огорчил меня ответ командира, но я понимал его, хотя обидно было очень...

Через две недели пришел староста, назначил меня на трое суток дежурить в Выборе ездовым, трое было нас и все из партизанских семей. В Выборе нас уже ждал волостной староста. Все было как всегда: выдали нарукавные повязки и разместили у старой церкви. Здесь нужно сделать некоторое отступление. Выбор - старинная

русская крепость - аванпост на подступах к древнему Пскову, возник он одновременно с Изборском и Печорами. Укрепления - насыпные валы 40-50 метров высоты, очень крутые, по двум сторонам от самого поселения на валах две церкви. Вот около одной и было место нашей дислокации, дорога к церкви шла мимо комендатуры и была очень крутой, с противоположной стороны вала дороги не было вообще, лишь тропинка огибала склон серпантином.



п. Выбор.
Церковь Успения Богородицы.

Дежурство было ничем не примечательным: брали грузы и развозили по поселку. Выбор я и до того знал хорошо, но в это свое дежурство смотрел на все совсем другими глазами. Вот - общежитие немецких солдат, вот – дома, где на постое живут полицаи... Что-то мне подсказывало, что запомнить все это очень важно. Наступили четвертые сутки, пришел волостной староста и сказал: «Ты и ты (показал на моих товарищей) домой, а ты (это он мне) лошадь оставь, я ее забираю, а сам с ними». Конечно, время военное, но не мог я оставить чужую лошадку, лошадь в деревне - основа благосостояния семьи, лишить семью кормилицы я не мог, потому сказал парням: «Ребята, вы едите. Меня по дороге не выпустят, у нас с кобылкой одна дорога - под уклон». «Мы с тобой!» Спорить времени не было вовсе: «Тогда делайте, как я». Выехал я к краю склона, направил лошадь прямо, прошу: «Не подведи, милая!» Сам же повис сзади телеги, чтобы она не перевернулась на спуске и не ударила лошадь. Одной рукой правлю лошадью, другой держусь за телегу. Умница лошадка присела на задних ногах и съехала, как на санях. Внизу оглянулся - товарищи мои сделали все абсолютно правильно, я крикнул им, чтобы они гнали лошадок во весь опор, а я

поеду за ними. Отъехали метров на двести, слышим одиночные выстрелы из пистолета, еще пятьсот метров пролетели - застрочил автомат, изрешетило край моей телеги, щепкой пропорол мне щеку. Мы гнали, не оглядываясь. Погони за нами не было, в то время немцы небольшими группами уже не отваживались покидать гарнизон.

Дом наш стоял на краю села у оврага, по дну которого протекал ручеек. Это было очень хорошо для партизан, да и для всех обитателей дома: партизаны приходили, как правило, ночью, нужно было дежурить, обеспечивая безопасность «гостей».

Несколько раз заходил партизан очень отличавшийся от всех остальных выправкой, обмундированием, речью, сразу было видно кадрового военного. Интересный человек оказался. Хочу рассказать его историю, хотелось бы назвать его по имени, но знать это нам было не положено. На мой наивный вопрос он ответил, что прибыл с Большой земли.

Бригада запросила сюда человека в чине офицера советской армии с глубоким знанием немецкого языка. Летели ночью, когда добрались до намеченного квадрата, увидели сигнальные огни «конвертом»: четыре по углам, один – в центре. Должна быть ракета... ракеты не было... Еще круг, пилот командует: «Прыгай!» Но ракеты - то нет! Немного отлетели, он прыгнул. Болото, вода по грудь. Вдалеке послышался надсадный лай собак, свернул глубже в болото, собаки по воде не возьмут след. Услышал немецкую речь - темно, завтра продолжим поиски, никуда не денется.

Голоса удалились в одну сторону, он повернул в другую. Больше часа брел по воде, выбрался на пригорок, увидел впереди хуторок, подошел, глянул в оконце - за столом две женщины, пожилая и молодая. Постучал - открыли дверь. Та, что постарше запричитала: «Заходи, сынок, заходи, садись за стол, устал, небось. А ты поди покарауль, как бы не принесло кого». Он не успел и поесть еще, как дверь отворилась и от порога послышалось по-немецки: «Руки вверх!» Старушка, божий одуванчик, цепко хватает его за руки, миг - и он уже связан. Оказалось - в полукилометре находился немецкий гарнизон, до него и успела добежать молодка. Его не били, на допросе он сказал, что он фронтовик, мол вызвали, приказали лететь - там все узнаешь. На следующее утро его повели на расстрел. Немец оказался очень разговорчивым: показал фотографию своей фрау и деток, разрешил покурить перед смертью, а пока, оставив автомат, прятал фотографию своей семьи, наш герой сиганул к лесу. Немец даже стрелять вслед не стал, только выругался. А дальше как в кино, полчаса по лесу и вдруг: «Стой! Ты кто?» «А ты кто?» «Я партизан, человека ищем!» «А я и есть тот человек, которого вы ищете». Неделю отдохнул, потом к

командиру. Тот развернул карту, показывает: «Вот здесь завтра поедет очень важная персона, даю тебе людей, но они будут в засаде, только на крайний случай, у тебя будет мотоцикл, форма, вроде как выехал навстречу. Нужно эту персону к нам сюда живым доставить, очень много знает». «Все будет сделано, а потом можно будет сделать небольшой «крюк» - очень хочется «мамашу» за гостеприимство поблагодарить». «А что ж, поблагодарите,- припечатал ладонью по столу,- обязательно поблагодарите». Помню, как нетерпеливо я спросил: «Ну и как?» «Что как? - улыбнулся партизан,- «Языка» мы взяли и старуху с дочкой навестили. Те самогон распивали в компании двух полицаев и немца, не признала она меня, сказала, что меня не знает, а потом пожар там приключился - сгорели они...» Он уже не улыбался, лицо стало суровым и каким-то очень усталым.

Поселок Выбор был освобожден партизанами в ночь с 15 на 16 октября 1943 года. Почти за месяц до этой даты к нам в село среди бела дня пришли две молодые и красивые девушки, как сейчас помню: одна в черном платье с белыми цветочками, другая - в синем строгом костюме, в потайном кармане которого был пистолет, контур его четко прорисовывался на высокой девичьей груди. Подошли к нашему дому, мы с сестрой в овраге набирали глину для ремонта печи, спросили: «Трофимовы где живут?» «Мы Трофимовы,- отвечаем, - Что вы хотели?» «Поговорить бы. Вам привет от Володи Трофимова».

«Нам нужно знать все о Выборе», - сказали гости. Я нащупал ссадину, которая еще не успела зажить, начал чертить план поселка, делая при этом некоторые замечания - здесь комендатура, здесь общежитие немецких солдат, здесь на постое полицейские, маршрут патруля и т.д. Когда план был полностью готов, девочки поблагодарили меня и сказали: «Ну вот, теперь проверим и назад в отряд». «В Выбор вам нельзя!» - я рассказал, как в последнее свое дежурство был свидетелем совершенно дикой сцены. В Выбор к своей бабушке пришел мальчик лет восьми из близлежащей деревни. Немецкий патруль остановил его, задал вопрос: «Откуда?» Тот ответил: «К бабушке из Дорохова». «Партизан!» - заключили немцы и, не разбираясь, тут же расстреляли мальчика у амбара. Посоветовавшись, девушки решили с моим планом возвращаться в отряд. Они назвали нам дату и время взятия Выбора.

В назначенное время мы по одному пробрались к зданию конюшни, располагавшейся в самой высокой точке нашего села. Вот - ракета в небо - началось! Гарнизон поселка, вместе с полицейскими около 800 человек, был разбит в прах. Партизаны гуляли по Выбору до полудня следующего дня. Чтобы не прибыло подкрепление из Новоржева, брат Владимир со своей группой взорвали Фатьяновский мост. Партизаны потеряли во время этой операции всего 2 человека.

После разгрома гарнизона в Выборе немцы трусливо притихли, воспользовавшись этим временным затишьем, партизаны собрали большой обоз с хлебом для героического Ленинграда и при поддержке армейских подразделений прорвали оборону противника, обеспечив тем самым продвижение обоза. После успешного завершения этой операции псковские партизаны влились в действующую армию. Немцы село наше не посещали вплоть до начала марта 1944 года, когда они небольшой группой прошли по ближайшим к Выбору деревням, вчистую сожгли деревню Филково, мы же свое Селюгино отстояли. Заметив продвижение фашистов к нашему селу, стали стрелять из обреза и винтовок, у кого что было. Немцы отступали, вместе с ними уходили и их пособники - полицаи.

Война стала испытанием для очень многих. У моего отца Николая Трофимовича была сестра Груша, у нее было двое детей: Шурочка - красавица и умница, военврач, она погибла на фронте, Евгений - статный красавец, двумя годами старше меня, он пошел служить к немцам. Видел я его очень редко, он служил в гарнизоне Скуратово. Но, когда доводилось свидеться, пытался поговорить с ним. В нашу последнюю с ним встречу сказал я ему: «Женя, ты же себя и родителей погубишь, переходи на сторону партизан, хочешь, я попробую тебе помочь. Вспомни Шурочку - она же на фронте». Он молча достал наган, наставил на кошку, сидевшую под столом: «Слышь, братух, перестань! Что сделано, то сделано, я до победы с ними. Будешь продолжать, тебя не трону - пристрелю кошку». Он принял жуткую смерть - его разорвало в клочья снарядом. А вот то, что произошло с тетей Грушей и дядей Архипом - подлинная трагедия. Дядя Архип своего сына поддерживал, а его жена помогала партизанам, естественно, без ведома мужа. Когда в 1943 году Володя был ранен в плечо, потерял много крови и нуждался в лечении, тетка тайком от мужа и сына устроила раненого племянника на чердаке своего дома и ухаживала за ним до его полного выздоровления. Несколько месяцев спустя партизаны схватили их и расстреляли как родителей изменника Родины. Брат пытался предотвратить казнь, но не успел - слишком поздно узнал о произошедшем. До конца своей жизни он винил себя в том, что опоздал....

После освобождения Псковщины от немецко - фашистских захватчиков, к нам в село прибыл подполковник КГБ, помог провести собрание. Восстановили колхоз, председателем которого был избран мой отец - Трофимов Николай Трофимович, избрали и трех бригадиров, в их числе и ваш покорный слуга. Получился колхоз, правда, только на бумаге - лошадей - нет, инвентаря - нет, колхозники - женщины, старики и дети. Попробовали плуг таскать - не получилось, почвы у нас тяжелые. Тогда отец принимает решение - все сажать «под лопату», но и это проще сказать, а сделать

почти невозможно - лопат ведь тоже нет - собирали каждый кусочек металла, даже ходили обдирать брошенную немцами неисправную технику. У нас появились и кузница и кузнец, который и делал нам лопаты. В зависимости от возраста и силенок люди вскапывали от трех до восьми соток за день. Прошли по дворам, собрали по горсточке семян, все выбрали под чистую, записывая, кто сколько дал. Сами люди ели крапиву, лебеду, дикий клевер. Немного семян выделил район. Но доставить их можно было только пешком в заплечных мешках (по 24 килограмма). Пятьдесят два километра туда, налегке,- пятьдесят два назад с грузом за плечами.

Селюгино не досчиталось двадцати человек с войны, а те, кто вернулся сплошь были израненными.



Брат Павел.
Погиб в 1943 г. под Ржевом.



Те, кто вернулся живым.

Дисциплина в послевоенные годы царила железная, но и доносов, оговоров хватало с избытком. Припоминаю очень показательный случай. Копали картошку. После того, как всю выкопают, нужно было еще раз вспахать, на этой вспашке с трех гектаров набирали, как правило, около ста пятидесяти килограммов мелочи и резаных клубней, которые тут же по накладной сдавались на корм скоту. Рано выпал снег, бригадир, молодая неопытная девушка, не успела с перепашкой, один из сельчан, молодой мужчина, настроил донос и отправил письмом в прокуратуру района. Против отца, председателя колхоза, возбудили дело. И здесь снег растаял, поле перепахали, дело было закрыто. Отец плакал от счастья. Я посоветовал ему оставить эту работу: чтобы работать с людьми, ему не хватало гибкости, он был слишком прямолинейным и жестким, возбуждая в людях желание как-то отомстить. И все равно, пережитое сказалось - в 1947 году отца не стало...



Все, кто уцелел после войны (1945год).



Я - крайний справа, сестра Евдокия и брат Владимир (1947 год).

Прямолинейность и моя беда, даже не хочется вспоминать эпизод из моей биографии, в результате которого мне пришлось покинуть свое село и переехать в Гатчину Ленинградской области, где я жил с семьей и работал до 1970 года. Потом по предписанию медиков из-за частых пневмоний сына возвратились на Псковщину. Полследние перед пенсией годы я работал начальником отдела по ТБ «Главнефтеснаба» и начальником КИПиА Псковской Нефтебазы. Я богатый человек: у меня шесть внуков и две правнучки. Люблю читать, что-то мастерить своими руками и общаться с моими питомцами - у меня парочка попугаев карелла. А еще я часто слагаю вирши, поэзией то, что я пишу, не называется:

Мы помогали, как могли,
Чтобы Победа ближе стала.
Об этом строго говорит
Тридцатьчетверка с пьедестала.
Вы не пугайте никого,
Войны не поднимайте ворох.
Нам дорог мир, и для того
Всегда сухим храним мы порох.



Перед отъездом из села в Ленинград.

У меня есть УДОСТОВЕРЕНИЕ ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ, но сам я себя ветераном не считаю. Я был как все, я поступал так, как должен был поступать честный человек. Все написанное мной - в память о братьях Павле и Владимире, двоюродной сестре Шурочке, тете Груше. СВЕТАЯ ИМ ПАМЯТЬ!!!



В кругу семьи.

Личные материалы и фотографии использованы с согласия Трофимова Н.Н.

Буклет издан в рамках издательского проекта

МАУК «Централизованной библиотечной системы» г. Пскова

«Рядом с нами живут ветераны, что прошли по дорогам войны».

Это серия информационно-библиографических изданий, рассказывающих
о псковичах - участниках Великой Отечественной войны,
ветеранах, очевидцах событий.

Ответственный за выпуск – Короткова В.М.

Составитель – Колосова Л.Н.

Техническое обеспечение - Юруш О.Н.

